

**ЧИТАЙТЕ МИСТИЧЕСКИЕ ТРИЛЛЕРЫ
АРТУРА ГЕДЕОНА
В СЕРИИ «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»:**

ЗВЕЗДНАЯ КАРТА ЦАРЯ САУЛА

ЦИКЛ «ЛЕШИЙ»

ЛЕШИЙ. ХОЗЯИН ЧЕРНОГО ЛЕСА

ЦИКЛ «ЛИЛИТ»

ЛИЛИТ. ЗЛОЕ СЕРДЦЕ КУКЛЫ

ЛИЛИТ. ОГНЕННАЯ ДУША КУКЛЫ

ЛИЛИТ. КУКЛА ИЗ ВЕЧНОЙ ТЬМЫ

ЛИЛИТ. В ЗЕРКАЛЕ ФАУСТА

ЛИЛИТ. ЗВЕЗДНЫЙ ПЛАЩ КАЗАНОВЫ

Артур Геденон

ЛИЛИТ

Звездный плащ
Казановы

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г28

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Д. Васильченко*

Гедеон, Артур.

Г28 Лилит. Звездный плащ Казанова / Артур Гедеон. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225329-4

В Европе появляется уникальный иллюзионист Кристофер Варшавски, чьи неповторимые аттракционы не похожи на обычные шоу. Недаром все называют его магом и волшебником. Представления Кристофера скорее напоминают плоды черной магии, чем театрализованное искусство обмана. В огромном серебряном шаре он воскрешает великих людей прошлого, которые выходят за пределы магической сферы и вступают в контакт со зрителями. Но кто стоит за иллюзионистом? Кто дал ему такие фантастические возможности? Андрей Крымов и Антон Антонович Долгополов летят в Чехию, чтобы увидеть одно из чудес Варшавски. Его иллюзион проводится в замке Дукс, где когда-то жил и умер знаменитый сердцеед Джакомо Казанова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225329-4

© Гедеон А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

Величественный старик с орлиным носом и взглядом хищной птицы стоял у окна своего кабинета и смотрел на летнюю Богемию. Все было хорошо и отрадно в этой стране и роскошном замке Дукс: чудесная природа, удобные апартаменты, в которых он жил, огромная библиотека, какой могли бы позавидовать и короли, достойный пенсион. Его работодатель и хозяин замка граф Йозеф Карл фон Вальдштайн был выше всяких похвал — умный, образованный, утонченный аристократ. Все было хорошо, кроме одного: омерзительной прислуги! Людишки, что окружали его, были чистыми канальями! Грязные дворовые, подлый народ, якобинцы, как он называл их в приступах гнева, которые только и мечтали, чтобы показать ему за спиной козу, напакостить, нагадить. Когда хозяин находился в долгих отъездах, они изводили старого библиотекаря как могли. Пересаливали еду, разбавляли вино, подсовывали похабные записки, в которых называли его «старым итальяшкой», и смотрели во все глаза, схватится ли он, как в прежние времена, за шпагу... Которую, впрочем, он уже давно не носил с собой. Он и ходил-то с трудом, потому что его все сильнее мучила подагра. А еще

болели от ревматизма суставы рук. Сколько болезней тела пережил он, но любви все равно в его жизни было в тысячи раз больше! В сотни тысяч!

Старик смотрел на солнечную площадь перед дворцом и улыбался. Любви было больше! И вот о ней он теперь вспоминал день за днем, год за годом, в мельчайших подробностях, вновь наслаждался и укладывал свои переживания на листы бумаги. Он плохо помнил, какими блюдами завтракал вчера, но то, что было даже сорок лет назад, видел и чувствовал с фантастической точностью! В его памяти сверкали лунным золотом венецианские каналы, пришвартованные гондолы качались на волнах, ударяясь бортами друг о друга, сверкали огнем тысяч свечей огромные окна дворцов, где он был завсегдатаем и желанным гостем. Молодым повесой! Все это было, как и знакомые женские лица — сотни прекрасных женских лиц...

Старик отошел от окна, проковылял вокруг стола и медленно опустился в ладное кресло, подаренное ему лично хозяином замка графом Вальдштайном. Перед ним лежали стопки листов бумаги, частью исписанных, частью нетронутых и дожидавшихся своей очереди. Чернильница, опустевшая наполовину, стояла здесь, и гусиное перо, отертое, лежало рядом на полотняной салфетке. Старик подходил к своему писательскому ремеслу, ставшему ежедневным образом жизни, серьезно и с расстановкой. Как к ритуалу, священнодействию. Просто у него в жизни ничего больше не осталось, кроме волнующих воспоминаний, которыми он так дорожил.

За его спиной потрескивали дрова в огромном камине и от огня шло приятное тепло. В таких замках даже

летом было прохладно, тем более ему с его болячками. Когда-то он хватался за перо и писал сразу на одном дыхании по десять-двадцать листов, потом выпивал кубок вина и продолжал работу. Но годы шли, и сил становилось меньше. И писалось уже не так бойко, как прежде. Он часто по-стариковски клевал носом в своем удобном кресле, подаренном графом. А иногда просто засыпал, и тогда его голова с роскошной седой шевелюрой склонялась к груди. Только во время дремы смягчались его черты, и огромная хищная птица с горбатым клювом словно забывала, что всю жизнь она жила охотой.

Вот и в ту полночь с 3 на 4 июня 1798 года он заснул за рабочим столом. Мерно трещали дрова в камине. А когда Джакомо очнулся, то понял, что сейчас в комнате он не один...

И был прав — из каминного марева только что к нему неслышно вышла женщина, черты которой он очень хорошо знал с детства. Она была в роскошном платье с декольте, в седом высоком парике и газовой накидке — черной, с золотыми звездами. Он пока еще не видел ее, но уже чувствовал ее присутствие. Год за годом он все чаще вспоминал о ней и, хоть и против своего желания, знал: их встреча все ближе.

— Это ты? — обо всем догадавшись, наконец прошептал он.

Старик увидел ее искаженный образ в серебряном кофейнике. Она стояла уже позади него.

— Это я, милый, — услышал он знакомый голос из-за спины. — И ты ждал меня — не мог не ждать.

Он скосил глаза и увидел край ее платья и полупрозрачный черный плащ, усыпанный золотыми звездами:

— Да, я ждал тебя, Лилит.

Она положила руки ему на плечи. Он вздрогнул, но потом смирился, затих.

— Великий хитрец, ты прожил одну счастливую жизнь, полную любви и приключений, потом в своих воспоминаниях повторил ее, вновь наслаждаясь своими подругами, а теперь еще решил предоставить всему миру переживать свои чувства, желания, страсти. Целым поколениям!

— А так будет?

— Еще как будет! Говорю же: хитрец!

— Но не это сейчас волнует мое сердце.

— Говори, еще есть время. Немного, но есть.

— Скажи, мы уходим навсегда?

— К чему этот вопрос?

— Хочу знать.

— Это зависит не от меня. Моя власть велика, но вернуться тебе или нет, выше моей воли. Но мне кажется, что однажды ты еще увидишь солнце. Младенцем, юнцом, мужчиной.

— Тогда ответь, я встречу ее вновь? В том, запредельном мире или вновь на земле?

— Вот ты о чем. Как я не догадалась сразу? — Ее лицо исказилось гневом. — Нет, ты никогда не встретишь ее. Больше никогда. Я разлучила вас не для того, чтобы ты вновь увидел ее.

— Ты разлучила?

— Конечно!

Кривая усмешка пробежала по его губам.

— Ты ревновала меня к ней, не так ли?

— С чего ты взял?

— И ненавидела ее?

— С чего ты взял такую глупость?

— С того, что ты никогда не могла понять ее. Не могла понять нас с ней, меня и мою Генриетту, потому что тебе этого не дано. Никогда не дано было любить так, как это Господь позволил людям. Я не о страсти, не о плотском, я о душе, Лилит...

Гостья склонилась к его уху:

— Ах ты, неблагодарный старик.

Она непроизвольно так сильно сжала его плечи, что библиотекарь сморщился от боли, но сдержался и даже нашел в себе силы улыбнуться:

— А вот мне, много грешившему, было дано это чудо — и за него я отдал бы все то, что ты подарила мне. Все бури сердца, все вожеления и грезы, все ненасытные ночи! Отдал бы все за нее одну!

Он переводил дух, но и стоявшая за ним богиня тоже должна была справиться с бессильным гневом и яростью.

— Ну хватит, я заболталась с тобой. Нам пора.

Он затрепетал, стариковские губы дрогнули.

— Я увижу ее! — Это прозвучало как утверждение, против которого никто не властен. — Однажды увижу!

— Никогда!

— Так будет! Моя рукопись еще не окончена, она только начата!

— Хватит. — Богиня впиалась ногтями ему в плечи, но уже иначе, и сердце его пронзила первая острая боль. — Твое время вышло, и нам пора, старик...

Гостя дождалась, когда все закончилось. Затем отступила, сдернула с плеч черный газовый, с золотыми звездами плащ, взмахнула им и укрыла, как саваном, уже мертвого человека в кресле.

— Я бы отказала тебе в этой привилегии, но это не в моей воле.

И, сказав это, она направилась обратно к камину. И исчезла в его огне. Но и плащ недолго укрывал плечи старика, он стал таять, пока не исчез вовсе.

Глава первая

Иллюзион «Серебряный шар», или Охотники на тропе войны

1

Андрей Крымов ехал на своем стареньком «Форде» к Антону Антоновичу Долгополову, пообещавшему ему отменный рассказ и не менее отменный сюрприз. Каждый такой визит, знал детектив, сулит им головокружительное приключение, часто смертельно опасное, но начинается все с мирной беседы в чудесном саду всегда бодрого старика-коротышки, мудреца, волшебника, «белого мага», как он сам в шутку называл себя, бог весть сколько живущего на этой планете и невесть сколько знавшего.

Стояло самое начало лета, теплынь пропитала город; солнце щедро заливало улицы. Но в пробках стоять было изнурительно, особенно если в стареньком «Форде» был сломан кондиционер. Наконец автомобиль оказался на окраине города, перелетел по бетонному мосту через речку Полушку, въехал в дачный поселок Яблоневый и скоро остановился на центральной улице, у выкрашенного в зеленый цвет забора. За пышным садом просматривался выбеленный домишко с цветными наличниками.

Обитель мудреца! Библиотеке Антона Антоновича могли бы позавидовать все ученые мира, вместе взятые, не говоря уже о его алхимической лаборатории. Но не для чужих глаз были все эти чудеса!

Крымов выбрался из машины, дошел до калитки, сняв крючок, толкнул ее и теперь шагал по тропинке к дому. Вот дернулась занавеска, его заметили, и едва он поднялся на крыльцо, как щелкнул внутри замок и дверь открылась.

На пороге стоял Антон Антонович в спортивном костюме. Светились на солнце вспененно-седая шевелюра и прозрачные, как два облачка, бакенбарды.

— Ну наконец-то, дождался! — воскликнул он.

— Пробки на дорогах, Антон Антонович. Долетел как смог.

— Отлично, Андрей Петрович, главное — добрались. Будем пить чай с баранками! Вы же знаете, какие в моем магазине продают душистые баранки? И наливкой побалуемся.

Крымов перешагнул порог.

— Я же за рулем.

— Когда вас могли остановить пара рюмок моей наливки? Впрочем, могу плеснуть и вчерашнего кефира в стакан. Нет?

— Лучше наливки, — закрыв дверь и разуваясь, откликнулся Крымов.

— Замечательно. А потом я вас удивлю одним рассказом. И как удивлю!

— В этом я даже не сомневаюсь. Можно чай совместить с рассказом, кстати.

— Можно и совместить, — согласился Долгополов. — Времечко-то у нас ограничено.

— Даже так?

— Представьте себе. А теперь проходите на кухню, милости просим.

— А почему сегодня не в саду?

— Потому что сегодня я вам покажу кино, а там отсвечивать от экрана будет. Я даже занавески задернул.

— Ясно. Ради разнообразия можно и на кухне.

И вот, опрокинув по рюмке сливовой наливки, они пили чай с душистыми баранками из местного магазина.

— Так вот, до меня долетели слухи, что в Чехии сейчас гастролирует некий польский иллюзионист и маг Кристофер Варшавски. Он показывает удивительные аттракционы. Прокатился по всей Европе, сейчас он в Праге. Только для общей публики он показывает одни аттракционы, а для закрытой аудитории — совсем другие. Для общей публики у него слоны летают по залу, дельфины плавают над головой, а то и русалки, только руками хватай. А на закрытых происходит совсем другое. Например, армия Чингисхана вдруг со сцены атакует партер, а потом, когда все хватаются за сердце, рассыпается прямо на глазах и исчезает. Но это самая малость. Его образы вступают в прямой контакт со зрителями. И вот об этих представлениях уже ползут легенды по Европе, и желающих попасть на его фокусы не счесть.

— Но почему он вас так заинтересовал? Фокусник?

Антон Антонович разлил наливку по стопкам.

— Могли бы и сами догадаться, Андрей Петрович. Такие представления людям устраивать не под силу. Я о за-

крытых выступлениях. Говорят, людям просто крышу сносит. Особенно экзальтированным дамочкам. Из его серебряного шара к вам может запросто выйти Наполеон Бонапарт, сесть рядом с вами и заговорить. Не у всех хватает духу на беседу с императором, кстати. Людишки теряются. Особенно когда император спрашивает: как можно было довести Европу до такого упадка? Мол, не для того я Африку завоевал. Или из сферы выйдет царица Савская или сама Клеопатра. Помните, что Паганини устраивал на своих концертах?

— Слышал. — Крымов усмехнулся. — Читал, вернее. А вы, конечно, и видели, и слышали? Своими ушами? Я о старике Николо.

— Оставлю вашу колкость за кадром, господин умник. Да, Паганини музыкой сводил людей с ума. Стрелялись во время его концертов. Отчего церковь и решила, что скрипку ему в руки вложил сам дьявол. Так вот этот Кристофер Варшавски силен необыкновенно. И тут без черной магии никак.

— Уверены?

— Смотрите, мой человек тайком снял. — Долгополов нажал на кнопку телефона, повернул и подвинул аппарат к гостю. — Атракцион «Серебряный шар. Магия сферы». У него в этой сфере целые миры рождаются и умирают. А тут как раз выход Клеопатры, смотрите внимательно.

Крымов с огромным любопытством устремил взгляд на дисплей айфона. На сцену небольшого зала вышел этот самый Варшавски, в смокинге, в золотой чалме и темной карнавальной маске, как у мистера Икс. На его плечи был наброшен черный плащ с золотыми звездами. За ним вы-

скочили две полуголые ассистентки в серебристых бикини и юбчонках, близняшки-стройняшки, одна смахнула с его плеч звездный плащ, другая вручила ему указку в футляре. Иллюзионист очертил длинной серебристой указкой круг перед собой и тотчас предусмотрительно отступил — сфера диаметром в два с половиной метра бледно зажглась серебром, похожим на то, что остается на телеэкрane, когда исчезают программы.

— Сорок восьмой год до новой эры, — сказал маг. — Египетский дворец Птолемеев в охваченной гражданской войной Александрии...

А в сфере уже зарождалась жизнь: через серебро все яснее проявлялись роскошные покои дворца фараонов последней династии.

— Вы узнаете того, кто сидит на троне? — спросил маг. — В белой тоге, отороченной пурпуром, с золотым лавровым венком на голове? Смотрите внимательнее, дамы и господа! Я подскажу вам: это Юлий Цезарь! Он разбил в битве под Фарсалой своего недавнего союзника Помпея, ставшего врагом, и отправил пленника десятилетнему царю Птолемею, но мстительный мальчишка, царь Птолемей, убил Помпея и прислал его голову Цезарю. Римский полководец не принял подлого подарка и послал за царицей Клеопатрой, сестрой Птолемея, но всюду в Александрии была расставлена стража, чтобы изловить ее и казнить. Вы слышите переключку легионеров? Это египетские рабы несут подарок для римлянина!

И впрямь в залу вошли двое слуг в коротких белых туниках, они держали ковер, впереди шел знатный египетский вельможа.